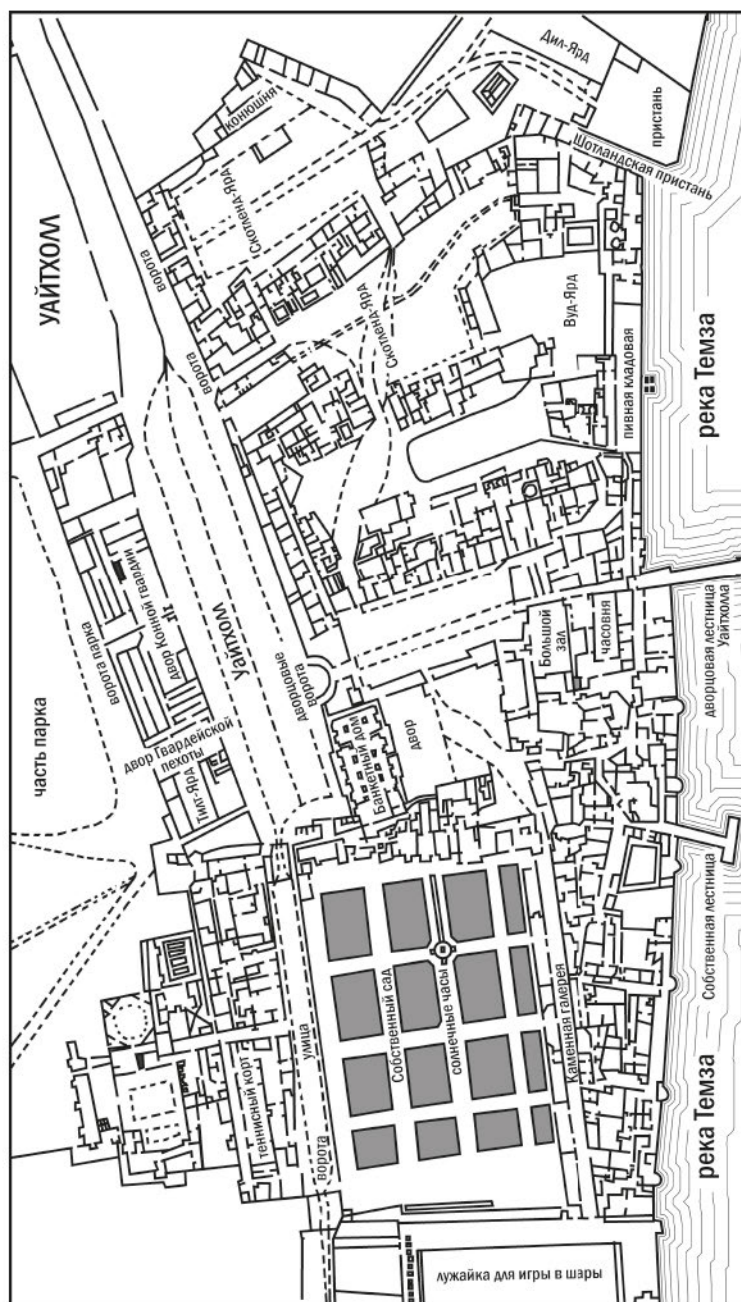




ОТ АВТОРА

В 1670 году Англия, Шотландия и Ирландия по-прежнему использовали юлианский календарь, появившийся еще во времена Юлия Цезаря. Но с 1582 года большинство европейских государств перешли на более точный григорианский календарь, утвержденный папой римским Григорием XIII. В результате парижские даты на десять дней опережали лондонские. Так, к примеру, в Англии было воскресенье, 6 марта 1670 года, а во Франции — тоже воскресенье, но уже 16 марта.

В те времена обед считался главной трапезой дня. Обедать было принято около полудня.

Выдержки из писем Карла II Стюарта
к его младшей сестре Генриетте Анне,
герцогине Орлеанской

Уайтхолл, 20 января 1669 года

...Сим письмом отправляю тебе шифр, очень простой и надежный: на внешней стороне сам шифр, а внутри имена, которые, по моему суждению, понадобятся тебе для нашего дела.

Более прибавить нечего, остаюсь всецело твоим,

К.

Уайтхолл, 25 апреля 1669 года

...А пока с нетерпением жду от тебя вестей, ибо нет мне покоя, когда у тебя не все благополучно. Береги себя, дражайшая сестра, ежели я тебе хоть чуть-чуть дорог.

Твой бесконечно любящий брат К.

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дом со знаком розы, Генриетта-стрит

Кэтрин Хэксби (в девичестве Ловетт), владелица чертежного бюро

Бреннан, ее чертежник

Джейн Эш, ее служанка

Фибс, привратник

Джош, мальчик на побегушках

Инфермари-клоуз, Савой

Джеймс Марвуд, клерк Джозефа Уильямсона и секретарь
Совета красного сукна

Маргарет и Сэм Уизердин, его слуги

Стивен, его лакей

Уайтхолл

Король Карл II

Лорд Арлингтон, государственный секретарь

Джозеф Уильямсон, заместитель лорда Арлингтона

Дадли Горвин, клерк лорда Арлингтона

Уильям Чиффинч, хранитель личных покоев короля

Господин Смирк, чиновник из канцелярии лорд-камергера

Господин Нонтон, чиновник из канцелярии лорд-стюарда

Дидо, собака

Прочие

Принцесса Генриетта Анна, герцогиня Орлеанская (Мадам,
Минетта)

Мадам де Борд, ее камеристка

ЭНДРЮ ТЕЙЛОР

Ричард Эббот, клерк лорда Арлингтона

Анна Эббот, его жена (ранее Анна Фэншоу)

Мария Фэншоу, дочь Анны от первого брака

Ханна, служанка Эбботов

Господин Фэншоу, торговец, проживающий на Слотер-стрит
в Смитфилде и в поместье Сверинг в Кенте

Хенрик ван Рибик, джентльмен из Голландии, сводный брат
Анны Эббот

Коннолли, управляющий заведением «Синий куст»

Джеремайя Джонсон, профессиональный игрок

Господин и госпожа Алинк из Остин-Фрайерс

Калибан, лев

ГЛАВА 1

Две девочки стояли у окна, а за деревянной панелью на стене копошилась крыса.

Холодное небо сияло пронзительной голубизной. Если приглядеться внимательнее, между почерневшими зданиями и заснеженными крышами Темпла впереди мелькала Темза. Но из-за стекла все это, в том числе и небо, выглядело зеленоватым и размытым.

— Ненавижу этот дом, — произнесла Мария. — И Эббота тоже ненавижу. Хоть бы он умер!

— Вчера вечером хозяин снова тебя выпорол, — сделала вывод Ханна.

Она была на два года старше Марии и к тому же намного выше ростом: это в какой-то степени сглаживало разницу в статусе девочек — во всяком случае, когда они разговаривали наедине.

— Ненавижу его. Даже не думала, что можно так сильно кого-то ненавидеть.

— А выглядит-то он неважно, — будто без всякой задней мысли заметила Ханна. Лицо служанки было сплошь усеяно веснушками, а волосы в зависимости от освещения казались то светлыми, то рыжими. — Может, и впрямь помрет.

— Эббот не человек, а дьявол. Он и вовсе помирать не станет, лишь бы только нам досадить.

За глаза Мария всегда называла отчима Эббот, будто пса или слугу. Ханна прижалась кончиком носа к заиндевавшему по краям окну. От ее дыхания холодное стекло запотело. И Темпл, и река исчезли.

— Все умирают, — возразила Ханна и потерла пальцем ромбик стекла. И Темпл, и река показались снова. — А если твое желание исполнится, что тогда?

— Мы с мамой, наверное, вернемся на Слотер-стрит, и все опять будет хорошо.

— А как же я?

— Тебя мы, конечно, возьмем с собой, — ответила Мария.

Ханна повернулась к ней:

— Клянешься? Даешь обет?

Мария скрестила пальцы за спиной на случай, если когда-нибудь это обещание станет для нее обузой.

— Клянусь.

— Чем?

— Могилой отца.

Ханна опять потерла стекло и проследила взглядом за пикирующей вороной. Птица села на ограду сада.

— Вообще-то, есть один способ, — сказала служанка.

— Какой?

— Только никому не рассказывай. Ни в коем случае. Да и не знаю, получится ли.

Глаза у Марии стали круглыми.

— Ты видела, как это делается?

— Нет, зато слышала, что говорила Ганга.

— Кто?

— Моя знакомая старуха. В деревне жил один мальчишка. Рассказывали, будто он с детьми и животными такое вытворял — ужас! Нужно было что-то предпринять. И Ганга знала, что именно. Мальчишку того всего раздуло, и он умер.

— Она убила его? И ее не повесили?

— За что? Ганга его пальцем не тронула. И никто не трогал, больно надо. Ганга его и так прикончила — раз, и готово. Грозилась, что и со мной то же самое сделает, если кудахтать не перестану.

Несколько секунд обе молчали. Даже крыса перестала скрестись, будто угроза Ганги заставила призадуматься и ее тоже.

— Я... я тебе не верю. — Голос Марии прозвучал чуть громче шепота.

— А мне-то что? Подумаешь! Не хочешь — не верь. — Ханна бросила на нее взгляд, исполненный презрения. — Да только я точно знаю: средство верное. Дело ведь при мне было. — Служанка выдержала паузу, потом ее губы медленно растянулись в улыбке. — А еще я знаю, что надо делать. Ганга мне говорила.

— И что же?

— Так я тебе и сказала.

— А ты сама можешь... — Мария набрала полную грудь воздуха. — Можешь с кем-нибудь это сделать? Если захочешь?

— Люди все время болеют и умирают, — промолвила Ханна. — Молодые и старики, богачи и нищие. Ничего особенного тут нет. Дело житейское.

Мария кивнула. Она не могла отвести глаз от лица собеседницы, от ее улыбающихся губ, с которых одно за другим слетали слова.

— Этим-то мой способ и хорош, — терпеливо, будто говорила с малым ребенком, объясняла Ханна. — Никто ничего не заподозрит.

— Ты... — Мария сглотнула ком в горле, набираясь решимости. — Ты мне pomoжешь? Избавишь меня от Эббота?

— Нет-нет, на такое я пойти не могу. — Некоторое время служанка испытующе глядела на Марию. — Зато ты сама можешь это сделать. Если хочешь, чтобы твоя

жизнь наладилась. Бояться тут нечего. А я бы тебе помогла. Подсказала бы что да как. Но только при одном условии...

— Каком?

— Если ты заберешь меня на Слотер-стрит, сделаешь своей личной горничной и позаботишься, чтобы я ни в чем не нуждалась. Никогда.

— Но мне не разрешат взять личную горничную. Скажут, что еще рано.

— А ты стой на своем, тогда разрешат.

— Хорошо. Будешь моей горничной.

— Навсегда. Ты должна поклясться. На крови.

Мария кивнула.

Служанка вытащила из кармана маленький узелок, положила его на стол, развернула и достала булавку. Взяв хозяйскую дочь за правую руку, Ханна вонзила острие булавки в подушечку указательного пальца юной госпожи. Та вскрикнула — и от боли, и от неожиданности. Ханна сдавливала ее палец, пока не выступила капелька крови. Затем служанка проделала все то же самое со своим пальцем на левой руке и велела:

— Подними палец.

Мария подчинилась. Ханна повторила ее жест, будто отражение в зеркале: пальцы девочек прижались друг к другу, и две капли крови слились в одну.

— Повторяй за мной, — приказала Ханна. — Силой этой крови, силой Господа нашего Иисуса Христа и силой дьявола...

Мария скрестила за спиной пальцы левой руки.

— Силой этой крови, — проямлила она. От страха ее дыхание стало частым и поверхностным. — Силой Господа нашего Иисуса Христа и силой дьявола...

— ...клянусь взять Ханну к себе в горничные. Всю свою земную жизнь я буду заботиться о ней, как о родной сестре.

— ...клянусь взять Ханну в горничные... — Мария запнулась, понимая, что принимать подобные решения не в ее власти. Но скрещенные пальцы освобождают ее от данного обещания. Эти клятвы ничего не значат. — Всю земную жизнь буду заботиться о ней, как о родной сестре...

— Сядь-ка, — неожиданно ласково предложила Ханна. — Ты побелела как полотно.

Мария послушно села и оперлась локтями о стол.

— Что я должна сделать?

— Для начала нам понадобится какая-нибудь вещь хозяина. Лучше всего, если это будет его подарок тебе.

— Есть такая вещь. — Девочка встала. — Я сейчас.

Она ушла в спальню и открыла сундук, где хранила свои пожитки. Порывшись в его содержимом, Мария нашла то, что искала: некий предмет, завернутый в кусок грубого льна. Она вернулась к Ханне — та по-прежнему стояла у окна, съежившись от холода.

Мария положила свою находку на стол, и служанка взглянула на нее:

— Это что?

— Кукла. Разве сама не видишь? Подарок от Эббота.

Ханна сморщила нос:

— Я ее раньше не видела.

— Я и сама про нее забыла. Эббот подарил мне ее, когда ухаживал за матушкой. Наверное, думал, что я дитя малое.

— Не очень-то похоже на куклу, — заметила Ханна.

Мария выложила игрушку на стол.

— Ее подарил он. — Подняв голову, девочка закусил губу. — А это главное, верно? Ты же сама сказала: нужно что-нибудь от Эббота. С куклой, наверное, лучше всего получится, она ведь похожа на человека.

Ханна склонила голову над столом. Кукла представляла собой деревянный цилиндр около шести дюймов

в длину. Сверху обструганный шар, служивший головой; снизу ноги, смахивавшие на прищепку для белья. Руки отсутствовали. К цилиндру приклеили неровный кусок льна, призванный служить одеждой. У куклы не было ни головного убора, ни волос. Кончиком ножа на шаре вырезали рот, им же проковырнули два отверстия, обозначающих глаза, один намного выше другого. Оба отверстия намазали сажей.

— Да уж, на подарок Эббот особо не потратился — небось пенни выложил, не больше, а если торговался, то полпенни.

Мария пожала плечами, будто хотела сказать: «Чего еще от него ждать?» А вслух спросила:

— Что теперь?

Ханна ткнула в куклу пальцем, оставив на льне едва заметное пятнышко крови. Прищурившись, она устремила взгляд на Марию:

— Одно твое слово, и меня повесят как ведьму.

Мария сдержала подступающую панику. Стараясь говорить как можно спокойнее, она произнесла:

— Тогда и меня тоже повесят. — Мария дотронулась до руки служанки. — Научи меня, как это делается. Прошу тебя. Умоляю.

Ханна понизила голос до шепота:

— Воткни в куклу гвоздь. Нет, гвоздь не подойдет — он большой, дерево треснет. Возьми лучше мою булавку. Потом заверни куклу вместе с булавкой еще в один кусок ткани. Но сначала в сверток надо положить что-нибудь, принадлежащее ему. — Ханна резко втянула в себя воздух и, вдруг оживившись, прошептала: — Я знаю, что нужно. Погоди-ка.

Теперь комнату покинула служанка. Мария ждала. Несмотря на холод, ее кожа стала липкой от пота. Наконец из коридора донеслись шаги, и Ханна вернулась.

Ее глаза блестели.

— Смотри! — Подняв кулак, девочка разжала пальцы. На ее ладони лежали три отстриженных ногтя и с полдюжины волосков.

— Это его? — Мария попятилась. — Как ты их добыла?

— Очень просто. Вчера вечером он приказал, чтобы ему подровняли ногти. Они до сих пор в камине лежали. А еще на днях хозяин велел мне его подстричь, чтобы волосы из-под парика не торчали. После этого я подметала пол щеткой, и на ней осталось несколько волосков.

— И что дальше?

Ханна достала из кармана тряпку:

— Завернешь сюда куклу вместе с обрезками ногтей и волос хозяина. Должен получиться сверток. Завяжешь сверху и снизу, как саван. Потом спрячешь под матрас с его стороны кровати...

— Я? Может, лучше ты? Тебе проще будет.

— Нет. Я же сказала — все должна сделать ты сама. Но потом, когда сверток свою задачу выполнит, обязательно вытащи его, иначе он попадет не в те руки и тебя сожгут на костре. И вот еще что...

В коридоре раздались шаги. Ханна торопливо сунула куклу в карман передника. На пороге остановилась мать Марии. Она так возвышалась над двумя девочками, что комната стала казаться меньше, чем была на самом деле. Хозяйка устремила на Ханну недовольный взгляд:

— Ты почему камин не вычистила? Подметать еще даже не начинала. За кухонным очагом не следишь. Не подбросишь вовремя уголь — огонь погаснет, и мне опять придется тебя высечь.

Ханна почтительно присела и бочком приблизилась к двери.

— Ну а ты? — накинулась на дочь госпожа Эббот. — Почему твоя вышивка лежит нетронутой?

— Прошу прощения, мадам, я очень виновата. — Мария опустила глаза и сделала книксен: самый верный способ избежать наказания — демонстрировать матери полную покорность. — Я просто... думала о завтрашнем дне.

— Не будешь вести себя как следует — завтра никуда не пойдешь. Тем более на Слотер-стрит.

Госпожа Эббот оставила девочек одних. Некоторое время они слушали ее удаляющиеся шаги в коридоре. Дверь хозяйской спальни открылась, потом закрылась.

Мария поглядела на Ханну. Та отложила совок и опять вынула из кармана куклу. Горничная с улыбкой стала выкручивать сверток так, будто выжимала тряпку для мытья посуды. Мария не сводила с него глаз.

— Вот увидишь, — прошептала Ханна. — Через недельку-другую ему каюк.

Через некоторое время стоявшая на коленях у кухонного очага Ханна ненадолго замерла, наслаждаясь теплом. В доме царил пронизывающий холод, ведь с деньгами у хозяев было туго. Любая возможность хоть немного обогреться становилась настоящим подарком.

Кстати, о деньгах. Отложив пустой совок, Ханна нащупала в кармане тряпичный сверток. Провела пальцами по твердому круглому предмету, лежавшему внутри. Туже затянула узел.

Бояться нечего. Хозяйка с Марией сейчас в гостиной, сидят за своим нескончаемым рукоделием, а если кто-то из них выйдет из комнаты, Ханна услышит щелчок щеколды. Служанка развернула узелок. Внутри лежала золотая монета — заморская, и джентльмен, который дал ее Ханне, тоже из чужих краев, но по весу и цвету сразу понятно, что монета из золота. На ней изображен какой-то мужчина в доспехах. В одной руке у него меч, а в другой — пучок стрел.

С таким сокровищем Ханна, пожалуй, богаче хозяйки. И хозяина тоже: этот любые деньги просвистит, они у него утекают, как вода. А если все пройдет без сучка без задоринки, Ханна разбогатеет еще больше — благодаря Марии и своей собственной хитрости.

В узелке лежало кое-что еще: маленький, аккуратный бумажный сверток, перевязанный бечевкой. Ханна коснулась его так осторожно, словно боялась обжечься.

К ритуалу с куклой служанка заранее не готовилась. Историю про колдовство Ханна сочинила на ходу, однако Гангу она не выдумала. Только о некоторых ее словах умолчала — к примеру, об этих: «Заруби себе на носу, дитя. Никто не позаботится о бедной девушке, кроме нее самой».

ГЛАВА 2

— «Она бы сумела, кабы захотела»? — язвительно произнесла Кэтрин. — Название под стать пьесе — такое же глупое!

Марвуд перестал смеяться и взглянул на нее:

— Зато сюжет забавный, не правда ли?

— Возможно, если вам по вкусу подобный юмор.

— Прошу прощения, мадам, — холодно проговорил Марвуд. Аплодисменты и свист зрителей в партере почти заглушили его слова. — Если вы желаете, мы уйдем.

— Нет-нет. — Движением веера Кэт отмахнулась от его предложения. — Раз уж досидели до этого момента, досмотрим спектакль до конца.

Она снова повернулась к раскинувшейся внизу сцене. Кэт и сама понимала, что ведет себя неловко. Марвуд заплатил за места в этой ложе, стоившие по четыре шиллинга каждое. Однако в театре царила сильная жара — в тесное замкнутое пространство набилось человек четырехста. Кэт подняла взгляд на потолок, но роспись с ангелочками путти и томно изгибающимися пышнотелыми пастушками трудно было разглядеть из-за дымовой завесы, исходившей от курительных трубок и свечей в партере.

Судя по всему, львиная доля публики наслаждалась пьесой «Она бы сумела, кабы захотела» гораздо больше, чем Кэтрин. Наблюдать за зрителями ей было намного